

Telegram
T.ME/rgrnews

VKontakte
VK.COM/rgru

Odnoklassniki
OK.ru/rgru

ПЕРСОНА У писателя Виктора Слипечука выходит восьмитомник в издательстве «Художественная литература»

Литературное поприще как способ жизни

Валерий Львов

Словно унаследовав свою скромность у Евгения Баратынского («Мой дар убог, и голос мой негромок»), Виктор Трифонович Слипечук пришел в литературу, никого не расталкивая локтями. По сегодняшним меркам — это недопустимый промах. Слипечука не встретишь на литературных тусовках, в многочисленных премиях он нечастый гость. Вспоминается совет Розанова, данный им Пришвину: «Держитесь подальше от издательства».

И все-таки повод для интервью весьма существенный — выход в издательстве «Художественная литература» собрания сочинений Слипечука в 8 томах. Иначе Виктор Трифонович и не согласился бы на интервью. Его слово и дело — за письменным столом. А поговорить с ним есть о чем, не часто писатель приоткрывает завесу тайны над секретами своего мастерства...

Вы начинали как поэт. Ваше первое произведение — стихотворение, было опубликовано в газете «Черниговский колхозник». Ваше стихотворение «Барабанщик» высоко оценил Ярослав Смеляков. Расскажите об этом.

Виктор Слипечук: Газету с моим стихотворением привез мой отец, Трифон Аксентьевич Слипечук. Он ехал на подводе с колхозниками на молочном-товарную ферму и по пути заскочил домой, чтобы отдать мне газету. Точнее сказать — газетенку. Стихотворение называлось «О пастушке Петруше». Стихотворение было напечатано на вкладке — курсивом в правом углу. Я ничего не знал о публикации. Вручив газету, отец сообщил, что в ней напечатано мое стихотворение. И тут все вокруг исчезло, перестало существовать. Я и сам мгновенно отлетел куда-то, словно неведомая птица. Осталась только газета и напечатанное в ней стихотворение. Не знаю, сколько длилось мое отсутствие, потому что времени тоже не было. Хорошо помню, что прочел — В. СЛИПЕЧУК... и все стихотворение несколько раз. Когда вернулся — отекать смотрел на меня с каким-то несвойственным ему удивлением, словно вместо меня увидел кого-то другого. Я спросил — газету он возмает с собой или оставит дома? В ответ он сказал, что газету оставляет мне, и улыбнулся. Улыбнулся такой мягкой радостной улыбкой, словно только что узнал меня по голосу и окончательно утвердился, что я — это я, его сын. Так сказать, преодолел окончательные сомнения. Мы засмеялись. Я почувствовал, что обрадовал отца, что предмет его радости являюсь я и мое стихотворение. Это незабываемое.

О высокой оценке Ярослава Смелякова невозможно рассказать без подробностей.

Стихотворение «Барабанщик» написал в армии. Перед армией был приглашен в Барнаул на краевой семинар молодых литераторов — в секцию поэзии. Руководил секцией московский поэт Марк Андреевич Соболев. Ему мои произведения понравились, и он предложил подобрать стихи для первой книжки. Я сказал, что ухожу в армию, уже повестка на руках, да и хороших стихов мало. Он возразил: первая книжка — какая получится. Первая важная — как демонстрация, что ты пишешь стихи. С книжкой тебя хотя бы не посадят за тундландство. А уж вторая — должна быть по-настоящему сильной. Я отказался. Сказал, что рукопись приготовлю, когда вернусь из армии.

Когда вернулся, многое изменилось. 1966 год. В родном литобъединении узнал, что в марте в Алтайском политехническом институте намечается «Третий День поэзии». Был уверен, что на выступлении поэтов встречу с Марком Андреевичем.

От Рубцовска (место проживания) до Барнаула — пять часов поездом. Приехал и очень огорчился, что меня нет в списке выступающих. Всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. От Алтая выступали поэты Марк Юдаевич, Леонид Мерзлякин и Геннадий Панов. Именно эта тройка, наверное, решила, что

на подобных мероприятиях мне выступать рано. Впрочем, выяснять, что да как, да почему, времени не было. Мы с Валерой Чаптыновым, тоже поэтом, старшему курсником Алтайского сельхозинститута, отправились в политехнический — до начала оставалось менее часа. Народу было — не протолкнуться. На улицу вынесли радиолоколку. Актовый зал и все пространство вокруг были заполнены студентами. Мы с Валерой с трудом рассмотрели два свободных места в последнем ряду у входа в актовый зал. Передавая Валере свой громоздкий баул, предупредил: — Когда поэты будут проходить мимо нас, присоединись к ним.

— Пойдешь на сцену?! — с некоторым удивлением, но больше с восторгом спросил Валера.

— Да, пойду. Что, я напрасно пять часов трясся в тамбуре поезда?! Я такой же поэт, как все, и к тому же эта студенческая аудитория моя, понимаешь, моя!..

На праздник поэзии ожидался гости из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Новосибирска, Красноярска, Иркутска. Особенно радовали гости из Москвы — Марк Соболев и Сергей Марков.

Прежде всего, конечно, Марк Соболев.

Выступающие задерживались. И вдруг по сменившемуся гулу стало понятно — поэты на подходе. Они вошли в актовый зал под радостные аплодисменты и стук скамеек — студенты хлынули к проходу. Поэты вынуждены были идти гуськом, друг за другом. Все внимание организаторов праздника (секретаря комсомола АПИ), естественно, сосредоточилось на шествующих первых. На идущих сзади никто не обращал внимания. Я сделал шаг и оказался замыкающим в строю. Мне представлялось, что на сцене будет возможность как-то объяснить свое нелегальное появление. Но стулья на сцене были уже расставлены, и получилось, что первые из поднимающихся на сцену оказались в последних рядах, а последние (в том числе и я) — в первых. Хорошо помню, что мне досталось место в первом ряду, причем самое видное, центральное. Впереди были только две стойки с микрофонами.

На сцене включили дополнительное освещение, а в актовом зале — пригласили. Я сел, и сразу же диктор, находившийся где-то за кулисами, пригласил к микрофону поэта из нашего ряда, кажется, из Иркутска. После него выступал мой сосед справа — поэт Зорий Яхнин из Красноярска. О чем были его стихи, не помню. Потому что за ним по порядку (слева направо) предстояло читать мне, и я, так сказать, пребывал в напряженном ожидании. Но диктор объявил не меня, а моего соседа слева. Меня пропустили как пустое место.

И что вы в этот момент почувствовали?

Виктор Слипечук: Не буду подробно останавливаться на своих чувствах. Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел.

Когда объявили пятнадцатиминутный перерыв, я не шелюкнул. Все происходящее было как бы не со мной и не касалось меня. Ощущал себя вне времени и пространства.

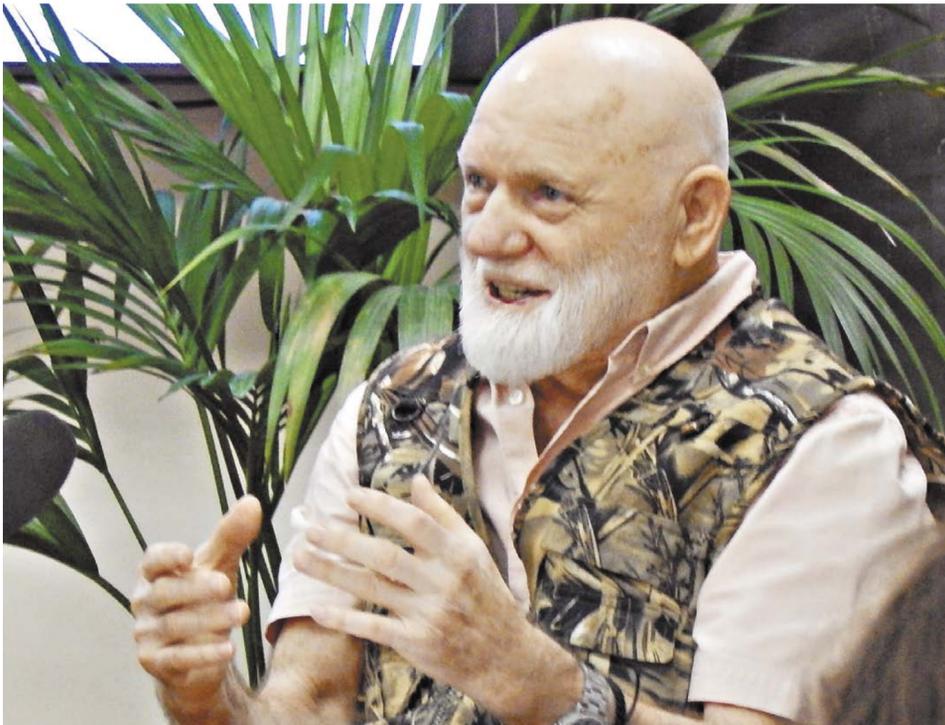
АКЦЕНТ

Всякие писательские тусовки хотя

и приносят известность как автору, но по большому счету крадут время, мешают писать. И я стал избегать известности в любых ее формах

Во время антракта в кругу поэтов произошел спор, и, как теперь понимаю, не без вмешательства московских поэтов. С чувством высокого почтения кланяюсь в их сторону.

Вторую, заключительную часть выступления поэтов начали с меня. Когда объявили, рядом сидевший Зорий Яхнин сказал: «Прочти что-нибудь коротенькое». В его голосе чувствовалось не только пренебрежение ко всему, что могу прочесть, а еще и некая докуча, исходя-

щая от меня как неизвестного субъекта, нахально влезшего в их избранный круг.

У микрофона объявил, что прочту патристическое стихотворение — «Комсомолу». За спиной послышались обидные остроты. После прочтения вначале была тишина — всеобщая, полная. Я повернулся спиной к слушателям, чтобы сесть на свое место, и тут зал взорвался. Это были аплодисменты какого-то неудержимого ликова-

ния. В актовом зале включили свет на полную мощность. Студенты повскакивали с мест, стали требовать читать еще. В самом последнем ряду у входа Валера Чаптынов, он потянул за кулисами, пригласил к микрофону поэта из нашего ряда, кажется, из Иркутска. После него выступал мой сосед справа — поэт Зорий Яхнин из Красноярска. О чем были его стихи, не помню. Потому что за ним по порядку (слева направо) предстояло читать мне, и я, так сказать, пребывал в напряженном ожидании. Но диктор объявил не меня, а моего соседа слева. Меня пропустили как пустое место.

АКЦЕНТ

Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел

Утром следующего дня я уже был в колхозе «Память Ленина» (самый отдаленный и самый отсталый колхоз Рубцовского района, по свидетельству старожилков — якобы прежде именованный «Шесть лет без Ленина»). В общем, моя жизнь ученого-зоотехника (я работал инспектором-организатором райсельхозуправления) вошла в обычную колею. А в Барнауле мое выступление произвело настолько сильное впечатление, что комсомольцы стали искать меня. Искать по вытрезвителям, больницам и милицейским участкам. Кто-то пустил слух, что меня арестовали. Целую неделю политехнический лихорадил. Доходило до того, что целыми группами студенты отправлялись на поиски и пропускали занятия.

Все эти события в Барнауле как-то очень быстро обернулись для меня возвращением моей рукописи стихов из Алтайского книжного издательства. Стихи оценивались недостаточно совершенными, недостаточно советскими, а некоторые даже враждебными. (В скобках замечу — моя первая книга стихов вышла в свет только в 2006 году.)

Где-то в двадцатых числах мая неожиданно пришла телеграмма, что Алтайский крайком ВЛКСМ направляет меня в Кемерово на семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала (31.05 — 07.06.1966). От Алтайского края кроме меня были командированы поэты Николай Черкасов и Геннадий Панов. В поездке узнал, что они едут на семинар, который будет возглавлять классик русской литературы поэт Василий Дмитриевич Федоров, что еще в апреле на его имя были отправлены рукописи их стихов. Получилось, крайком комсомола, хотя и оплатил мою командировку в Кемерово, конкретно не определил меня ни к кому из руководителей семинара.

По прибытии выяснилось, что меня нет ни в каких списках. Мы жили в какой-то гостинице. Участие мое сотоварищью было строго регламентировано: когда личное знакомство с руководителями секции, когда обсуждение их творчества, когда

выезжают на выступления на те или иные заводы и в институты. Получалось, что меня никто не ждал и я приехал на свой страх и риск. Это стало неприятным сюрпризом, потому что неприглашенные (я это помнил по барнаульскому семинару молодых литераторов) сразу, автоматически, попадали в разряд непризнанных. А я ехал в Кемерово за признанием.

А признание спешило вас встретить?

Виктор Слипечук: Поэты в отличие от прозаиков всегда очень быстро сближаются. И этому есть объяснение — проза для своего восприятия требует определенных условий, а стихи можно читать на память, воспринимать на ходу. Поэтому неудивительно, что так называемые непризнанные литераторы сбивались в группы, точнее сказать — своеобразные ватаги (артели). Так легче было проникнуть на секции, на которых обсуждались стихи. Я примкнул к одной из ватаг, решивших побывать на семинаре под руководством Ярослава Васильевича Смелякова, Марка Андреевича Соболя и Ильи Олеговича Фоянкова.

В тот день обсуждали стихи новосибирского поэта Виктора Крещика. (Марка Соболя почему-то не было.) Крещика представлял сборок «Литературки» по Новосибирску Илья Фоянков. Учитывая его положение руководителя, нетрудно было догадаться, что стихи Крещика (маленькая книжечка, выпущенная в кассете, «Старт» — Новосибирск, 1965) получат одобрение. Так и случилось. Обсуждение шло ровно, как по накатанной дорожке. Преобладали гладкописые во всем, но, главное, стихи Виктора Александровича Крещика полностью соответствовали наступающему духу времени — закату оттепели.

В одном из стихотворений Виктор сравнил чабана с башней в степи. Мне сравнение показалось надуманным. Тем не менее в заключительном слове Ярослав Васильевич отметил это сравнение как понравившееся ему. И еще он сказал, что от имени руководителей семинара Виктора Крещика будут рекомендовать в СП СССР. В то время более высокой оценки творчеству молодого автора не существовало.

Виктор Крещик был одет в темный костюм, держался подчеркнуто скромно, представлял его в желтой кофте Маяковского или в цилиндре с трубой Эсенына было просто невозможно.

Ватага непризнанных поэтов была не только большой, но и разношерстной. Именно в ватаге непризнанных, обменявшись произведениями, впервые услышал и на всю жизнь запомнил: «В лаптях, в армяках в заплатах / Пошли мужики сутулясь. / Пошли мужики за Правдой. / И до сих пор не вернулись». Некоторые из непризнанных как будто нарочно никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова. Складывалось впечатление, что

отныне русскую поэзию надо начинать с них.

Когда закончили обсуждение творчества Виктора Крещика, Ярослав Васильевич Смеляков, находясь в хорошем настроении, спросил аудиторию: — Кто желает прочесть свои стихи?

Я предполагал, что будет лес рук, увы, оказался единственным.

— Давай рукопись, — сказал Ярослав Васильевич.

Отвечил, что рукописи нет, могу прочесть на память. Он кивнул, и я стал читать. «Я в маленьком и сером кабинете...»

Ярослав Васильевич слушал стоя, опершись о косяк. Казаюсь, он приготовился уйти, но дослушал. Не скрывая неудовольствия, спросил: — Кто-нибудь понял стихотворение?

Неожиданно отозвался Илья Фоянков:

— Я понял, — твердо сказал он. Они коротко переглянулись — лед и пламень. Ярослав Васильевич вновь кивнул мне. Следующим прочел стихотворение «Царь».

После прочтения Ярослав Васильевич почти наполовину приоткрыл дверь (ему стало душно) и грозно взглянул на Илью Олеговича:

АКЦЕНТ

В этом кипящем вареже все бурлило, меня не отпускали от микрофона, и я сказал — сегодня не мой День поэзии. И этим только добавил огня клокоцущему залу

— Может быть, и это стихотворение поэт Фоянков понял и нам объяснит?

Илья Олегович сидел у окна, вцепившись в свою бороду. Опустив глаза, как бы потупившись, сказал: — Нет, это стихотворение я тоже не понял. Ярослав Васильевич удовлетворенно усмехнулся и строго спросил меня: — У тебя есть что-нибудь повеселее?

— «Барабанщик», — сказал я и стал читать.

После прочтения Ярослав Васильевич, ничего не говоря, вышел из аудитории. Илья Фоянков, как соруководитель секции, объявил, что на сегодня обсуждение закончено. И, захватив папки с рукописями, вместе с Виктором Крещиком и другими признанными «семинаристами» поспешил к выходу.

Ватага непризнанных ринулась ко мне. Видя в произошедшем вопиющую несправедливость, они пожали мне руку и всеческими словами восхищения давали отрицательную оценку всем признанным, и в том числе руководителям семинара. Скажу откровенно, их

восхищение не находило в моей душе отклика. Я чувствовал, что даже легкое одобрительное слово со стороны Смелякова, слышное, значило бы для меня больше, чем всех их словословия.

— Да кто он такой — Смеляков?! Он уже одной ногой в гробу! Все они понимают — ты идешь с новым словом, и они завидуют! Ты — гений! А они — букашки! Не дано им, понимаешь?! Лучше не печататься, чем ставить на службу им честное перо поэта.

Мы шли по длинному коридору, и я не могу сказать, что полностью не разделял их воззрений. Но — гений! Это было слишком. Я категорически не хотел быть непризнанным, тем более гением. Кто-то из окружения громко заметил — нам не туда, мы идем к буфету, а лестница в другой стороне. Ватага резко сменила курс, а я решил зайти в буфет, открытая дверь которого была в двух шагах.

Меня окликнули, но я не среагировал, потому что едва не столкнулся с Ярославом Васильевичем, он выходил из буфета.

— А, Слипечук! — сказал он с неожиданной мягкостью и улыбнулся мне как своему собрату. — Давай своего «Барабанщика».

Не знаю, слышал ли Ярослав Васильевич уничижительные возгласы бунтующей ватаги?! Наверное, нет, но я смутился, почувствовал себя провинившимся. Он вспомнил, что у меня нет отпечатанных стихов.

Мы отошли от двери к коридорному окну с небольшим подоконником. Ярослав Васильевич был в несколько длинноватом коричневом костюме. Запустил руку в левый внутренний карман, вынул несколько листов бумаги, сложенных вдвое.

— Любая профессия требует профессионализма, — сказал он, облизывая губы. — В отличие от тебя, счел необходимым отпечатать свои стихи на машинке, чтобы зайти в редакцию местных газет и предложить для публикации.

Он дал чистый лист бумаги, чтобы написать «Барабанщика», а сам опять пошел в буфет. Хлопнула дверь. Я оглянулся и с удивлением увидел платок сбитого парня из нашей ватаги, который быстрым шагом удалялся в глубину коридора. Откуда он взялся?! И зачем прятался за дверью?!

Взяв стихотворение, Ярослав Васильевич сказал: — Пиши стихи подобные «Барабанщику», с другими — не пробьешься.

А что было после?

Виктор Слипечук: После возвращения домой, в Рубцовск, я не думаю не думал, что мое стихотворение «Барабанщик» будет опубликовано в газете «Литературная Россия» по свежим

следам состоявшегося съезда молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Тем более с напутственным словом самого Смелякова.

Первым меня поздравил с публикацией член нашего литобъединения при газете «Коммунистический призыв» Лева Стрижжик. Он примчался под вечер на новоменьком мотоцикле и, размахивая газетой, радостно прокричал: «У Михаила Светлова — «Гренада» и Маяковский, а у тебя — «Барабанщик» и Смеляков!»

Стихотворения, которые читал на семинаре Ярослав Васильевич, сегодня можно прочесть в книге стихов «Свет времени» (издание четвертое, исправленное и дополненное, 2019, с. 35, 22, 90).

В издательстве «Художественная литература» выходит собрание ваших сочинений в восьми томах. Как формировался корпус произведений?

Виктор Слипечук: Настолько красиво и фундаментально сформулирован вопрос, что я как солдат, механик-водитель скандальных танков (в прошлом, конеч-

но), почувствовал, что мне сейчас надлежит выкатить нечто достойное, бронетанковое. Тем более что служил в сверхсекретном батальоне и не только обучался вождению на всех имевшихся на тот период танках, но и испытывал средний — индекс 437. Во всяком случае, по возвращении домой на вопрос «механик-водитель каких именно средних танков?» рекомендовалось отвечать — индекс 437. К сожалению, в моих прозаических произведениях служба в армии почти отсутствует. И вообще не потому, что обходил военную тему, нет. Когда служил в армии, вообще не писал прозы — только стихи. Думаю, об армии у меня есть весьма хорошие поэтические стихи.

Но вернуться к вопросу. Большинство писателей в моем возрасте мечтают издать собрание своих сочинений. И это нормально — подведение итогов. Буду откровенен — я не мечтал и даже испугался представившейся возможности. Был уверен, что не мое это дело. Придет время, потомки (внуки), говорящие на русском, английском, французском, китайском языках, и без меня издадут что-то стоящее. Главное — надо хорошо и много писать, чтобы побольше было этого стоящего.

Я с детства мечтал стать писателем. Писательское поприще мне всегда нравилось и нравиться, а жизнь настолько способствовала развитию в этом направлении, что дело оставалось за малым — сесть и писать. И тут, погрузившись в работу, осознал, что частые выступления перед читательской аудиторией (по молодости хорошо читал стихи, и не только свои) мне вредят. Тем более всякие писательские тусовки хотя и приносят известность как автору, но по большому счету крадут время, мешают писать. И я стал избегать известности в любых ее формах. И время появилось, появилось для повседневной продуктивной работы.

Так что когда представлялась возможность издать свое собрание сочинений, я испугался. Знал, что с прежней повседневной размеренной жизнью придется распрощаться, а привычку писателя как способ жизни.

Хорошо помню свой первый разговор с Дарьей Георгиевной Прахной, корректором собрания сочинений. Было позднее утро, шел по территории МГУ — гулял. Вдруг телефонный звонок. Познакомился. Дарья Георгиевна потребовала, чтобы представил ей этот самый корпус произведений. Говорила строго, сообщила, что есть авторы, которые могут поднять спор из-за запятой. Она очень хорошо понимает таких авторов, но им не завидует. В общем, нагнала страху такого, что я сказал: «Может, не будем ничего затевать?!» Она не поняла, переспросила... Мое пояснение, видимо, озадачило ее. Помолчал, не сбавляя строгости, сказала, чтобы по каждому из восьми томов представил списки произведений, и разговор прервался.

Придя домой, задумался о списке. Собрание сочинений — для любого писателя дело серьезное, важное, и я — не исключение. Решил составить список, придерживаясь хронологии, то есть последовательности создания произведений во времени. В 1-й том — что было написано в самом начале, во 2-й — что потом и в такой последовательности до сегодняшнего дня. Особенно напрягла рубрика издательства — мастера русской прозы. Вообще-то я всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. Мои первые произведения — стихи. Но рубрика есть рубрика. Пришлось перенести поэзию в 7-й том. В творчестве любого писателя все взаимосвязано. Таково не бывает, что с четверга ты поэт, а с понедельника — прозаик или публицист. В формировании хронологии списка произошедшей сбой, но Дарья Георгиевна Прахная приняла этот сбой как само собой разумеющееся, и мы с ней издали шесть томов.

Теперь Дарья Георгиевна нет, в цвете молодых лет ушла из жизни. Мы с ней всегда работали по телефону и ни разу не встретились. Говорю об этом не только потому, что обидно и горько переопылять сердце, а потому что сегодняшний день во все время несет свои коррективы и ничего нельзя сформировать окончательно. Но почему-то никто не считаетеся с этим.

Как формировался корпус произведений?! Воспользоваться модным словечком — ЛЕГКО. ●